

18+

Эрнест Пети

**История
герцогов
Бургундских
из Капетингской
династии**

Том 5

Эрнест Пети

**История герцогов Бургундских
из Капетингской династии. Том 5**

«Издательские решения»

Пети Э.

История герцогов Бургундских из Капетингской династии. Том 5 /
Э. Пети — «Издательские решения»,

Пятый том монографии Эрнеста Пети охватывает завершение правления Гуго IV (1251–1272) и события до 1295 года. Основные темы: борьба за Франш-Конте, конфликт с папством и Клуни, отлучение герцога, финансовые реформы и подавление мятежей. Том также описывает участие знати в крестовых походах, смерть Людовика Святого, завещание Гуго IV, раздел владений и воцарение Роберта II. Завершают том генеалогия потомков Гуго IV и анализ поэмы «La Châtelaine de Vergy», в связи с окружением герцогини Беатрисы.

© Пети Э.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава XXXIII. — Правление Гуго IV (продолжение) — 1251—1257 гг.	13
Глава XXXIV. — Правление Гуго IV (продолжение) — 1248—1258 гг.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

История герцогов Бургундских из Капетингской династии Том 5

Эрнест Пети

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Эрнест Пети, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9492-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Благоприятный прием, оказанный этой книге, налагает на нас обязанность умножить число иллюстраций и опубликовать некоторое количество рисунков, видов и изображений надгробий, рассеянных по различным фондам Национальной библиотеки и воспроизводящих памятники, уже давно уничтоженные. Иконографические документы не менее драгоценны, чем рукописи, и, быть может, представят некоторый интерес для исследователей, которые случайно пожелают обратиться к этим томам, при условии, однако, что они не будут слишком строги к нашим рисункам. Главным образом мы стремились восстановить утраченный труд Пьера Пальо и собрать разрозненные фрагменты и рассеянные зарисовки, сделанные с оригиналов этой знаменитой коллекции, погибшей в огне. Работа в течение нескольких лет позволила нам приблизиться к цели. Эти материалы, бесценные для нашей провинциальной археологии, воскресили бы память о неизвестных или исчезнувших художественных произведениях, облегчив идентификацию уцелевших обломков.

Этот V том доведен до 1272 года, даты смерти герцога Гуго IV. Возможно, мы слишком подробно остановились на этом периоде, но не было бесполезным восполнить скудость «Собрания историков Франции», которое довольно скупо на документы по Бургундии; есть такой том, где даже не упомянуто имя Дижона.

Я не могу забыть об услугах, которыми я обязан любезной дружбе нескольких моих коллег. Господин Жозеф Роман нарисовал гербы, снятые с надгробий и представленные в «Эпитафиях». Господин Макс-Верли сгруппировал рисунки герцогских монет. Господин Анри Шабёф позаботился о печати этого тома, и т. д.

Мы обращаемся к критике и исправлениям, которые будут приняты и включены. Ученый-одиночка выиграл бы от просвещенного сотрудничества эрудитов. Когда пишущий эти строки уйдет, книга останется, и их замечания послужили бы тем, кто придет после нас.

РОЖЕ ДЕ ГЕНЬЕР И ПЬЕР ПАЛЬО

ПИСЬМО Г-НУ ЛЕОПОЛЬДУ ДЕЛИСЛЮ,

Генеральному администратору Национальной библиотеки, члену Института.

ДОРОГОЙ ГОСПОДИН,

Одним из первых Вы познакомили нас с Геньером и его трудами; другие заметки, посвященные этому выдающемуся собирателю, дали любопытные биографические подробности о нем [1], но еще ничего не было сказано о том, что интересует нас с бургундской точки зрения, и ничего не стало известно относительно его отношений с Пальо. Вы, без сомнения, согласитесь со мной, что по крайней мере несколько слов об этом сказать не бесполезно. Франсуа-Роже де Геньер, родившийся 30 декабря 1642 года и умерший 20 марта 1715 года, иногда именовав себя сеньором дю Меньи или дю Мани [2], названием фьефа, затерянного в каком-нибудь уголке Морвана. Он был связан с нашей провинцией различными узами.

Со стороны дома де Бланшфор, своей материнской семьи, он был в родстве с местным дворянством. Воспоминания о его крестном отце Роже де Сен-Лари, герцоге де Бельгарде, некогда пэре Франции и губернаторе Бургундии, чьим секретарем был его отец, открывали ему двери всех замков, где его встречали с уважением, которого заслуживали его несомненные познания.

Его объемная переписка свидетельствует о симпатиях, которые он сумел завоевать своей учтивостью, хорошими манерами и доброжелательностью характера. Со всех сторон ему раточают знаки привязанности. Граф де Гитод, первый камергер принца де Конде, сообщает ему о происходящем в Эпуасе [3]. Из замка Шатийю граф Филипп де Шатийю присылает ему, как и г-же де Шатийю, новости из их окружения [4]. Из Равьера шевалье де Клермон-Тоннерр направляет ему частые депеши [5]. Бюсси-Рабютен находится с ним в наилучших отношениях

[6]. Ле Гу-Майяр, сеньор де Сен-Сен-сюр-Ванжан, президент Смертельной палаты в Дижонском парламенте, позаботился послать ему портрет правоведа Февре [7]. Бернар де Сено, епископ Отёнский, поздравляет его по случаю милости, оказанной мадемуазель де Гиз, при его назначении губернатором Жуанвиля, должность, не обязывающая занимающего ее к проживанию [8]. Габриэль де Ла Рокет, предшественник Бернара де Сено на епископской кафедре в Отёне, положил начало этой дружеской переписке [9]. Затем, это аббат де Понтины; Риво, приор де Вольюзан; г-жа де Сен-Шаман, урожденная Бонна де Шатийю; аббат де Со-Таванн; Ноэль Бутон де Шамийи, впоследствии маршал Франции, и г-жа де Шамийи; Клермон-Тоннерр, епископ Фрежюса; Ле Гу де Ла Бершер, архиепископ Нарбоннский, и т. д. Мы называем только бургундцев.

В хорошее время года Геньер сначала приезжал в замок Ануа, близ Танне, а в последнюю часть своей жизни — к своей кузине Барб де Бланшфор, вдове Огюста де Шанжи-Мюзиньи, у которой были различные резиденции в Арне-ле-Дюк, в Отёне, в замке Мюзиньи.

Еще более тесные и почти ежедневные отношения установились с давних пор между Геньером и Антуаном Жоли, бароном, а затем маркизом де Блезе, владевшим в Бургундии прекрасным поместьем, чье имя он носил, но которого его обязанности президента Большого совета удерживали часть года в Париже. Последний оставил неопубликованные мемуары, дающие о собирателе и других персонажах того времени подробности, не лишённые интереса [10]. Он выстроил себе особняк в предместье Сен-Жермен задолго до того времени, когда сокровища, собранные Геньером, покинули особняк Субиза, чтобы перебраться в его новое жилище на улице Севр.

Часто встречались в библиотеке барона де Блезе. Туда же приходили д'Озье, дю Фурни, дю Кудере, дю Белле, де Рефюж, де Комаретен и двое его бывших наставников, уроженцев Лангра, Барбье д'Окур, член Французской академии, и Бланшар, член Академии наук. «Моя библиотека довольно хороша, но я ее всю переставил. Часть я отвез в Блезе, другую — в Дижон. Господин Бланшар составил ее каталог, очень хорошо продуманный. Я обставил свой дом; поместил там гобелены из истории Сципиона, которые мой отец завещал мне. У меня были метрдотель, повар, три лакея, кучер, фореитор, привратник, шесть упряжных лошадей, верховая лошадь, и т.д.» [11]

Примерно в 1680 году Пьер Пальо был вынужден приехать в Париж по личным делам, а также чтобы навестить одну из своих дочерей, уже давно вышедшую замуж за книготорговца Эли Жоссе [12]. Этот неутомимый труженик, именовавший себя парижанином, королевским историографом, печатником преосвященнейшего епископа Лангрского, господ штатов Бургундии и города Дижона, купцом-книготорговцем, гравером резцом, парижским мастером-ювелиром [13] и т.д., вот уже около сорока восьми лет жил в Дижоне, откуда объезжал провинцию Бургундию, посещая самые отдаленные местности, чтобы зарисовать все памятники края, которые могли послужить генеалогической истории семей.

Пальо привез два или три тома своих мемуаров и представил их некоторым из завсегда-таев особняка де Блезе, которые высоко оценили эти сборники и содержащиеся в них драгоценные сведения. Пальо тогда испытывал некоторую нужду, ибо его занятия книготорговлей и печатным делом не приносили достаточно дохода, чтобы позволить ему воспитать восемнадцать детей, а его генеалогические труды не всегда хорошо оплачивались [14]. Он хотел бы продать свои рукописи по высокой цене, но не мог решиться расстаться с ними при жизни.

Геньер особенно был поражен значительным количеством превосходных рисунков, которые содержали эти сборники, и уже тогда употребил все средства, чтобы получить к ним доступ и снять копии с главных документов, не будучи достаточно богатым, чтобы позволить себе столь дорогое приобретение.

Но Пальо не был человеком, охотно делящимся своими сокровищами, это был его наименьший недостаток. Он устоял перед предупредительностью, комплиментами, любезностями

и знаками внимания со стороны просителя. Заинтересованное кокетство и хорошие приемы светского человека не смогли одолеть упрямства и чисто галльской простоватости типографа. Напрасно, дабы снискать его благосклонность, съёр дю Мани посылал ему различные сообщения, надписи, эпитафии, в частности из Шисе в Морване [15]. Пальо все принимал и ничего не отдавал.

Смущенный тем, что не может одолеть такое упорство и сопротивление, к которому он не привык, Геньер решил обойти трудность. Он решил использовать высокое влияние барона де Блезе, подстегнул его рвение к рукописям, которые самого барона мало волновали, и, не имея возможности купить их сам, убедил его, что дело его чести не позволить уйти в другие руки столь интересной коллекции. Переписка Геньера содержит большое количество писем Жоли де Блезе, и несколько пассажей выдают озабоченность и алчные помыслы первого [16].

Новая попытка, предпринятая в 1682 году, чтобы получить эти рукописи, не была встречена лучше предыдущих, ибо Жоли пишет ему из Дижона 14 ноября: «Господин Пальо все тот же, не желающий сообщать свои сборники». В следующем году он приглашает его приехать в Блезе: «Я прибыл в Блезе 17 сего месяца; это не очень приятное пребывание, ибо я нахожусь на скале посреди лесов; но поскольку не чувствуешь неудобства в местах, где сам хозяин, я надеюсь, что по этой причине вы сообразоволяете приехать когда-нибудь, вы ведь знаете, что комната давно уже принадлежит вам...» [17]

В 1684 году, по настоятельным все более просьбам, барон сам нанес визит Пальо: «Я застал его в его кабинете, и он стал мне горько жаловаться на неблагодарность провинции, никогда не признававшей заслуг его труда и всех усилий, которые он приложил, чтобы прославить ее любопытными памятниками, относящимися к генеалогической истории семей... Затем он показал мне свои книги...» [18]

25 сентября 1685 года — новое письмо к Геньеру, датированное из Блезе: «Я все думаю о собраниях Пальо, но мне сказали, что он стал еще менее сговорчивым в этом отношении, чем когда-либо. Надо набраться терпения. Вы не поверите, что я настолько безумен, чтобы дать за них десять тысяч франков, ибо вы знаете, что если он оценивает их столь высоко, то продержит их у себя долго на этих условиях, это отец, питающий чрезвычайную любовь к своим детям» [19]. Барон де Блезе и его брат имели в Бургундии интенданта, некоего г-на Фурнере, секретаря короля, который управлял их имуществом по своему усмотрению и мало что смыслил в делах. Значительные расходы, которые он понес на строительство и неудачные перестройки замка Блезе, тому доказательство. Примерно в 1686 году ему было поручено встретиться с Пальо, тогда сильно нуждавшимся в деньгах: «Он договорился с ним о сотне франков за том, заключил письменное соглашение, по которому тот соглашался оставить их у себя пожизненно, с условием не снимать с них копий, что, надо сказать правду, было бы почти невозможно. Он дал ему сто экю задатку и обещал дать остальное, когда тот пожелает их сдать» [20].

Между тем Пальо, которому было 77 лет, тяжело заболел и довольно долго находился между жизнью и смертью. Геньер был извещен об этом, и он, не желавший никому зла, возможно, питал некоторую тайную надежду, не совсем согласную с восстановлением здоровья умирающего. Он уже собирался в дорогу и радовался, что наконец-то получит так жаждавшие им рукописи.

Эта несколько поспешная затея и эти размышления, хотя мысленные и преходящие, вероятно, не понравились ангелу-хранителю, оберегавшему дни старого типографа, ибо, дабы покарать злого духа, внушающего порочные мысли собирателям, он вымолил своим заступничеством прощение для своего подопечного, который был возвращен к жизни, словно чудом.

Барон де Блезе, весьма бескорыстный поверенный в действиях и горячих алчбах Геньера, пишет ему с лукавой иронией 29 сентября 1686 года: «Пальо был очень болен, он получил

соборование. Теперь он чувствует себя превосходно. Если я когда-нибудь получу его книги, я поделюсь с вами хорошей частью...» [21]

Геньеру потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от доброй вести о столь поразительном и неожиданном выздоровлении, и он испытал некоторое раскаяние, благодаря небо за чудо, которого его молитвы не заслуживали. На сей раз его поездка и перемещение были отложены.

В этом мире все — и удача, и неудача. Убежденный любитель должен сносить самые различные превратности и волнения, чередования надежд и разочарований, радостей и печалей. Но надо признать, что Пальо, под предлогом дополнения своих рукописей, подверг терпение несчастного собирателя суровому испытанию. Несмотря на видимость слабого и постоянно находящегося под угрозой здоровья, он имел нескромность долго сопротивляться, благодаря влиянию чуда. Он упорствовал, прожив еще двенадцать лет, и угас лишь 5 апреля 1698 года в возрасте восьмидесяти девяти лет [22].

Вскоре после этого условия соглашения были исполнены согласно его последней воле. Пальо поручил книготорговцу Эли Жоссе, своему зятю, получить тысячу франков, которые еще оставались в долгу, и наследники наконец-то сдали рукописи.

На этот раз уверенный, что его ожидания больше не обманут, Геньер отправился в Бургундию, куда прибыл в конце мая 1699 года. С подлинным волнением он наконец-то мог неторопливо просмотреть эти рукописи, которых двадцать лет хлопот не могли ему доставить.

Он поселил в Блезе своего копииста Будана, который в течение семи месяцев без устали работал, снимая зарисовки с рисунков Пальо. В знак признательности за доброе гостеприимство маркиза де Блезе [23] Будан воспроизвел для него гуашью несколько видов Дижона и замка Блезе [24]. Все теплое время 1700 года было употреблено на ту же работу, но к этому моменту несколько томов были уже отданы на руки Шарле, канонику Грансе и приору Аюи, автору «Ученого Лангра», человека, весьма достойного похвалы за свою эрудицию, который занимался составлением оглавлений к каждому тому, — работа, начатая Пальо, но не завершенная. Будан был вынужден поселиться на некоторое время в Грансе и воспользовался своим пребыванием, чтобы снять общий вид замка и укреплений этого городка [25].

Этот обильный источник документов еще не был исчерпан; потребовалось еще некоторое время упорного труда, чтобы позволить художнику снять рисунки, из которых некоторые были приведены в порядок. Другие, и их большинство, остались в виде набросков, сделанных наспех, то сангиной, то черным карандашом и оставляющих желать лучшего; но при отсутствии оригиналов очень рады их найти. Из мемуаров Жоли де Блезе мы приведем этот отрывок, оставляя за собой право не соглашаться с содержащимися в нем оценками:

«Господин де Геньер, бывший учеником господина ле Лабурёра, приехал в Бургундию к своей кузине, г-же де Мюзиньи, и я познакомился с ним вскоре после того, как вышел из коллежа. Это был другой род рыцаря наживы, ибо он не имел ничего и был не такого хорошего дома, как хотел казаться. Он поступил на службу к господину де Гизу, женившемуся на мадемуазель д'Алансон, и когда этот принц умер, остался у мадемуазель де Гиз в качестве ёссуеж [конюшего]. У него была квартира в ее отеле, которую он весьма приспособил для маленьких портретов на фарфоре и других редкостей.

Он вознамерился построить очень красивый дом и устроить там галереи в никуда перед [госпиталем] Неизлечимых. Он объединился с господином аббатом де Вертамоном, от которого затем отделился, чтобы дом остался в его единоличном владении. Мы одолжили ему денег, господин Россиньоль и я, и он мне их очень хорошо вернул, я могу лишь похвалить его в этом отношении.

Я часто с ним общался, так же как и с господином д'Озье, и мы встречались у господина де Комаретена, который, наряду с тысячью хороших и приятных качеств, обладал прекрасным знанием изящной словесности и был весьма сведущ в генеалогической истории, почти как

господин де Рефюж. Они внушили мне этот вкус и отчасти были причиной того, что я купил в Бургундии рукописи Пальо в пятнадцати томах. Я не стану здесь говорить о них пространнее, потому что сделал это в некоем роде предисловия, которое поместил в начале первого тома.

Я не скажу больше ничего о господине Геньере, потому что под конец дней он впал в слабоумие, которое заставило его составить завещание, не сделавшее ему чести и давшее знать, что у него скорее маска, чем сущность. Он продал все свои редкости королю; они были отданы на рассмотрение господину де Клермонбо, чтобы отделить многие вещи, которые, по правде сказать, не более чем хлам».

Вот и заводите близкими друзьями персонажей, которые величают вас рыцарем наживы! Правда, не следует понимать этот термин буквально, он не имел тогда того оскорбительного смысла, какой придают ему сегодня. Геньер — рыцарь наживы, потому что не богат и не такого хорошего дома, как хочет казаться.

Жоли де Блезе не следовало бы позволять себе такую колкость и выносить подобное суждение об эрудите, который стоил его самого. Не вина Геньера, что средства его бюджета не позволяли больших расходов. Не его вина, что он нанимал лишь посредственного художника второго разряда и не мог платить своему копиисту Будану за гербы, сделанные чернилами, по два лиара за штуку; за раскрашенные гербы — по одному су; за нарисованные надгробия — девять су, а за надгробия, перегруженные необычными украшениями, раскрашенные и позолоченные, — тридцать су. Кто знает, впрочем, не находил ли художник в этом своей выгоды?

Геньером владела страсть, которую богатый маркиз был не способен понять, и он обладал достоинствами и качествами, которые его хулитель не был в состоянии оценить. Из этого хлама, которым Клермонбо сумел воспользоваться и который нам сохранили, можно лишь сожалеть, что не находишь большего.

XIX век не может принять высокомерный и презрительный приговор маркиза XVII века, и мы слишком многим обязаны выдающемуся собирателю, чтобы утвердить подобный суд. Пылкое рвение любителя старины прошлого слишком полезно нам сегодня, чтобы позволено было злословить о нем. Есть имена, которые следует произносить только с признательностью и уважением!

В начале XVIII века все бургундские труженики могли черпать полными пригоршнями из собраний Пальо, которые наследники маркиза де Блезе достаточно охотно одалживали любопытствующим. И те и другие брали отсюда и там выписки. Президент Буйе, который задумал сделать полную копию этой объемистой коллекции для своей богатой библиотеки, едва имел треть ее, когда смерть застигла его 17 марта 1746 года. Мы указывали в другом месте на несколько этих томов, и в частности на сборник различных эпитафий (Библиотека нац., франц. 24.019). Копия, начатая по приказу Буйе, была прервана весьма неудачно, ибо 10 марта 1751 года оригинальные рукописи Пальо были уничтожены пожаром, вспыхнувшим в кабинете Антуана II Жоли, маркиза де Блезе, советника в Дижонском парламенте, племянника и наследника президента Большого совета.

Труды Будана могли в определенной мере возместить эту катастрофу, ибо имелись снятые изображения надгробных плит и главных памятников. В других местах были эти серии рисунков и набросков, которые повсюду встречаются в хранилищах Национальной библиотеки и которые уже давно были отделены, разрознены, распределены по различным фондам — в Отделение эстампов, в латинский фонд, французский фонд, в Подлинные документы Кабинета титулов, в Собрание Клермонбо и главным образом в портфели Геньера. Другие сборники, похищенные из этого хранилища, были перевезены в Бодлеанскую библиотеку в Оксфорде, где администрация велела снять кальки, чтобы восполнить в Отделении эстампов утрату оригиналов.

Если теперь можно частично, но только частично, восстановить совокупность труда Пальо, этим мы обязаны Роже де Геньеру. Бургундия, следовательно, также имеет право при-

числить к числу своих знаменитостей и приемных детей этих двух ученых, оба парижане, которые столь значительно способствовали сохранению старинных воспоминаний ее провинциальной истории.

Примите, дорогой господин, уверения в моих чувствах почтительной симпатии и высокого уважения.

Эрнест ПЕТИ.

Воск, июль 1894.

[1] Об Генъере см.: Л. Де-лиль, «Кабинет рукописей», т. I, стр. 335; де Фламар, «Библиотека Шартрской Школы», XLVII, 341; Дюплесси, «Журнал изящных искусств», т. III, 2-я серия; Ш. де Грандмезон, несколько статей в «Библиотеке Шартрской Школы», т. LI — LIII. Нашему соотечественнику и другу Анри Бушо также посвящена длинная заметка во введении к его превосходному «Инвентарю рисунков, выполненных для Роже де Генъера» (2 тома in-8°, изд. Плон, 1891). Однако он намеренно оставил в стороне указание на некоторое количество рисунков того же происхождения, взятых из Пальо, которые найдут место в других каталогах фондов Национальной Библиотеки.

[2] Это сам Пальо дает такое звание Генъеру (Нац. б-ка, фр., нов. пост., №68, л. 159). Что же касается фьефа Мани, нам не удалось его идентифицировать; возможно, существует с полсотни местностей с таким же названием в Морване.

[3] Гийом де Пешперу Комменж, граф де Гитó, сеньор д'Эпуасс, скончался 27 декабря 1685 г. См. его письма: Нац. б-ка, фр. 24.987, л. 295 и след.

[4] Сезар-Филипп, граф де Шателью, родился в 1623 г., умер 8 июля 1695 г., и Жюдит де Барийон, его вторая жена, умерла 2 апреля 1721 г. Сохранилось около сорока писем графа в переписке Генъера (Нац. б-ка, фр. 24.986, л. 95 и след.).

[5] Около тридцати писем шевалье де Клермон-Тоннера, датированных Равьером и Мооном (Нац. б-ка, фр. 24.986, л. 230 и след.).

[6] См. Ш. де Грандмезон, «Библиотека Шартрской Школы», LI, стр. 586 и след.

[7] Бенуа Ле Гу-Майяр, назначенный президентом парижского парламента 18 ноября 1686 г., умер в Дижоне 29 декабря 1709 г. Письма: Нац. б-ка, фр. 24.988.

[8] Бернар де Сено, епископ Отёнский с 1702 г., умер в мае 1709 г. См. Письма: Нац. б-ка, фр. 24.991, л. 374 и след.

[9] Габриель де Ла Рокетт, епископ Отёнский с 1666 г., умер в 1702 г.; см. его переписку: Нац. б-ка, фр. 24.991, л. 380 и след.

[10] В кабинете автора имеется копия этих мемуаров. Антуан Жоли, барон де Блезе, родился 6 января 1649 г., умер в Дижоне 3 июня 1725 г., на 76-м году жизни, был сыном Жоржа Жоли, барона де Блезе, и Елизаветы Бернардон. Он был назначен советником в Суд Парижского Парламента 8 мая 1679 г., почетным советником в 1690 г., первым президентом 15 апреля того же года. Земля Блезе была возведена для него в маркизат 28 июля 1695 г.

[11] Неопубликованные мемуары маркиза де Блезе, стр. 48 и 78. Гобелены Сципиона, о которых здесь идет речь, были сделаны для короля, как нам сообщает Анри Бушо.

[12] Эли Жоссе был принят книготорговцем в Париже в 1660 г. и имел в качестве марки: золотую лилию (Нац. б-ка, Кабинет титулов, переплетенные тома, 1011, л. 504).

[13] Пьер Пальо, сын и внук купцов и мастеров-ювелиров в Париже, носивших то же имя, перестал использовать это последнее звание в 1686 г., когда уступил свои права своему четвертому сыну Пьеру Пальо, родившемуся в сентябре 1640 г. Мы опубликуем в другом месте документы, относящиеся к этому делу, которые были любезно сообщены мне бароном Пишоном.

[14] В его генеалогии семьи Ле Гу и Морэн, автограф, можно увидеть любопытное письмо Пальо, в котором он жалуется, что его работа не была вознаграждена (Б-ка Арсенала, рукопись №4157, л. 88 об.).

[15] Нац. б-ка, фр. 24.985, л. 277 и след.

[16] Нац. б-ка, фр. 24.985, л. 277 и след.

[17] Письмо от 24 сентября 1683 г., *ibid.*

[18] Нац. б-ка, новые поступления, №68, л. 1 и след.

[19] Нац. б-ка, фр. 24.985, л. 306.

[20] Нац. б-ка, нов. пост., №68, л. 1 и 2.

[21] Нац. б-ка, фр. 24.985, л. 300.

[22] Пальо умер скоропостижно, собираясь лечь в постель. Его портрет, написанный Ревелем в 1696 г., был едва выгравирован и завершен Древе, чтобы появиться в «Знаменитых людях» Перро, в сопровождении мадригала или двойного катрена, который был отправлен ему академиком Фюретьером, и который позже приписывали Ла Моннуа (см. Нац. б-ка, Кабинет титулов, переплетенные тома, 1011, л. 504).

[23] Мы говорим теперь маркиз, а не барон де Блезе. Людовик XIV возвел баронию Блезе в маркизат 28 июля 1695 г.

[24] Нац. б-ка, Гравюры, серия V°, том 33.

[25] Нац. б-ка, Гравюры, серия V°, том 33

Глава XXXIII. — Правление Гуго IV (продолжение) — 1251—1257 гг.

Смуты в Бургундии после смерти Бланки Кастильской и во время пребывания Людовика Святого в Святой Земле. — Встреча герцога Бургундского с папой Иннокентием IV. — Требования Гуго IV о выплате компенсаций, выделенных на расходы крестового похода; папа назначает ему доходы, подлежащие взысканию с духовенства диоцеза Санса, затем отменяет это разрешение. — Отказ Гийома де Понтуа, аббата Клюни, участвовать в субсидиях, обещанных духовенством королю и баронам; вмешательство папы в его пользу; всеобщее осуждение, которому он подвергается. — Недовольство знати. — Конфискация от имени короля балы Макона замка Лурдон у клюнийских монахов. — Страшные репрессии, учиненные Гуго IV и его чиновниками в владениях этого аббатства; опустошения в Живри, Вержи, Боне, Монтели, Шароле, Паре, Тулон-сюр-Арру и т. д. — Жалобы клюнийских монахов. — Грабежи, совершенные Ансериком де Монреалем в Аваллонском округе; преследования клириков и мирян; различные предписания Людовика Святого. — Ансерик предстает перед королевским судом, уличен жалобами своих обвинителей; король приказывает герцогу Бургундскому задержать его и конфисковать его имущество; конфискация его владений Гуго IV, который назначает виновному замок Шатель-Жерар в качестве временного убежища; смерть Ансерика. — Злодеяния Гийома, сеньора де Монтагю и де Мален. — Грабежи, учиненные Жаном, сеньором де Шуазёлем, против монахов аббатства Молем. — Тибо, граф Шампани, присоединенный монахами к правам на Вик и Куаффи. — Жан де Шуазель силой захватывает приорат Варенн. — Разорения, причиненные в Шезо, Рансоньере, Лаверне. — Спорные дела, представленные королевскому суду. — Споры между Жераром де Бевуаром, епископом Отёнским, и Никола, аббатом Флавины, относительно сюзеренитета замка Флавины. — Споры между монахами аббатства Турню и горожанами этого города.

Смерть Бланки Кастильской и продолжительное пребывание Людовика Святого в Святой Земле были событиями, совпадение которых оказалось весьма досадным, и отзвук которых не замедлил ощутиться в провинциях. В отсутствие высшей власти, которую сумел завоевать король достоинством своего характера и беспристрастием своего правосудия, крупные феодалы собирались дать себе волю и управляться по своему усмотрению. Уже отмечались волнения, часто возникавшие во время малолетства монархов или междуцарствий, когда отсутствие сильной руки оставляло вассалам свободу вершить правосудие самим и совершать набеги на земли соседа без страха возмездия.

Оставим в стороне смуты, которые поднялись в то же время во Фландрии и Пикардии, в Иль-де-Франсе, Орлеане и Турени, Лангедоке и Беарне.

В Бургундии причиной волнений, как мы полагаем, стало сопротивление духовенства выполнению обязательств по уплате субсидий, предоставленных Святым Престолом. Дошедшие до нас документы не оставляют в этом никакой неопределенности.

Вспомним, что перед крестовым походом папа Иннокентий IV выделил Гуго IV, герцогу Бургундскому, две тысячи марок серебра, а Аршамбо де Бурбону и Эду де Бургундии, графу Неверскому, его зятю, — три тысячи марок, чтобы помочь им нести расходы этой экспедиции; но к моменту их отъезда эти сеньоры получили лишь меньшую часть назначенных им сумм [1].

Сильно обремененный долгами, покидая Палестину и возвращаясь в свои владения, Гуго IV прежде всего направился к папе в сопровождении графов Пуатье и Тулузских. Можно полагать, что король поручил им письма к Святому Престолу или дал устные рекомендации, чтобы представить первосвященнику печальное положение верных на Востоке и получить от него быструю помощь, настоятельно требуемую ситуацией. Согласно Матвею Парижскому [2],

встреча князей с Иннокентием IV закончилась весьма резкими словами, после которых папа был принужден ими заключить мир с Фридрихом II и под угрозой в случае отказа быть изгнанным из Лиона. Следует остерегаться иногда преувеличенных утверждений английского хрониста. Вероятно, герцог Бургундский, лично озабоченный денежными затруднениями своего положения, проявил больше сдержанности и, не пренебрегая интересами и миссией короля, старался получить обещанные ему субсидии, в которых остро нуждался.

Буллой от 15 марта 1251 года [3] Иннокентий IV поручил цистерцианским аббатам Фонтене, Эшарли и Мезьер собрать в их диоцезах завещания, предназначенные для Святой Земли, выкупы обетов крестоносцев, пожертвования от благочестивых дел, имущество, возвращенное ростовщиками или незаконными владельцами, и взять из этой суммы до пяти тысяч марок серебра, которые должны были быть переданы герцогу Бургундскому и его сыну Эду. Но уполномоченные Святого Престола, мало заинтересованные в успехе взыскания, не лишенного трудностей, нашли более удобным предоставить самим получателям заниматься этим делом. Вскоре чиновники герцога Гуго IV и его сына объезжали провинцию Санс, требовали право прокуратуры с церковью, присваивали себе разбор и юрисдикцию дел и вели себя там как в завоеванной стране. Жиль Корню, архиепископ Сансский, встревоженный жалобами, приходившими со всех сторон, и посягательствами на его диоцезальное правосудие, донес об этом папе, который был вынужден пересмотреть свое первоначальное решение и отменить первоначальное разрешение. В булле от 9 января 1253 года [4], адресованной архидиакону Труа, декану Сент-Этьенна этого города и канонику собора, Иннокентий IV повелевал не позволять облагать провинцию Санс сверх ее доли и не допускать новых прокуратур и новых повинностей в церквях. К моменту этой отмены герцог Бургундский, несомненно, еще не получил всех сумм, на которые имел право; его последующие требования тому доказательство.

Гийом де Понтуаз, аббат Ключи, не лучше исполнял свои обязательства перед королем и отказывался платить десятину, которую духовенство королевства предоставило Людовику Святому на три года. Он ссылаясь на иммунитеты, которыми пользовались ключийцы, чтобы уклониться от чисто денежного обязательства, которого от него требовали. Этот отказ, учитывая шаткое положение короля и крестоносцев, может показаться по меньшей мере странным. И можно с полным правом удивиться, видя, как папа содействует этому, когда 28 марта 1252 года [5] он писал Людовику Святому в пользу аббата Ключи, своего друга, утверждая, что последний ничего не обязан платить на десятины, ибо он не подчинен иной власти, кроме власти Святого Престола, в силу привилегий, предоставленных этому аббатству не королями, а папами.

Эти чувства скарденности и эгоизма со стороны Гийома де Понтуаза слишком контрастировали с благородным бескорыстием Людовика Святого, чтобы не вызвать всеобщего осуждения. Разве феодальное дворянство, разоренное крестовыми походами, обремененное тяжелыми выкупами, истребленное на полях сражений, не заплатило достаточно дорого за честь защищать христианство? Каким правом аббат Ключи, богатство которого было притчей во языцех и чьи сундуки ломились от сокровищ, освобождался бы от налога, лежавшего на всех верных, и уклонялся от дела, которое было и его делом? Его упорное сопротивление вызвало живое негодование среди рыцарей и в окружении герцога Бургундского. Рассказ Матвея Парижского о несколько резкой встрече с папой был, без сомнения, лишь отголоском общественного мнения.

Гийом де Понтуаз не мог не знать о враждебности, которой подвергался, ибо уже в 1250 году были разграблены его конюшни и угнаны его лошади. По его просьбе Иннокентий IV, обращаясь к архидиакону Этампскому, рекомендовал обеспечить соблюдение отлучения, наложенного на некоторых рыцарей, которые, нарушив иммунитеты церкви Ключи, наложили руку на коней аббата (13 сентября 1250) [6].

Напрасно бальи Макона требовал от имени короля субсидий, обещанных и предоставленных духовенством на трехлетний срок. Гийом де Понтуаз продолжал оставаться глух к этому и, то ли чтобы положить конец этим настояниям, то ли по другой причине, отправился в Англию [7]. Уполномоченные отсутствующего аббата не удовлетворили требований бальи Макона, который, чтобы покрыть суммы, причитавшиеся его государю, захватил замок Лурдон, принадлежавший монахам Ключни. Тогда Иннокентий IV написал королеве Бланке Кастильской [8] и Людовику Святому [9], чтобы добиться возвращения этого замка; для большей верности в то же время он поручил архиепископу Буржа наложить отлучение на похитителей, исключив, однако, членов королевской семьи [10]. Лишь ценой тяжелых жертв ключнийцы смогли вернуть себе свое владение.

Во главе сеньоров, наиболее враждебных и ожесточенных против аббатства, мы, несомненно, находим Гуго IV, которого мы видели некогда во главе конфедератов во время лиги против церковных злоупотреблений. В этом случае брал ли он в свои руки интересы короля? Действовал ли он в своих собственных интересах и хотел ли вернуть себе суммы, которые были ему назначены и которых он еще не смог получить? Это нелегко установить. Гийом де Понтуаз, безусловно, дал повод для репрессий своей корыстной скаредностью и упорным отказом участвовать в субсидиях на крестовый поход, но эти серьезные проступки не могут оправдать последовавших насилий.

Аббат и монахи, обращаясь к Людовику, старшему сыну короля Франции, в пятницу 6 июня 1253 года, рассказали о преступлениях, в которых герцог Бургундский оказался виновен, и заявили, что среди тревог и бедствий, которыми были охвачены монахи, они могут рассчитывать только на его поддержку и вмешательство. Для совершения всех этих грабежей Гуго IV не побоялся вступить в союз с ворами, мародерами, поджигателями, расстриженными монахами, которые своей печально известной порочностью и квалифицированными преступлениями были обязаны изгнанию из монастырей, где были приняты. Ключнийцы жаловались, что ничего не могут иметь в Бургундии, не могут там пребывать или передвигаться, не подвергаясь жестокостям этих отлученных разбойников, которые прикрывались покровительством герцога для совершения самых невероятных злодеяний. Среди этих бандитов называли Филиппа, некогда декана Ключни; Одуэна, по прозвищу де Брансион, субприора Вержи; Этьена Эспонфара; Филиппа по прозвищу Каин; Гуго де Жиньи; Гийома де Сен-Марселя, бывшего цистерцианского монаха; Готье, некогда приора Ключни; Жака, бывшего приора Марсиньи, и других монахов, изгнанных из своих монастырей. Этой орде людей с дурной репутацией удалось с помощью герцога захватить приора Вержи, который был изгнан из своего монастыря и не мог туда вернуться. Они также наложили руку на приора Монмирая, направлявшегося в Ключни по делам своей общины, и ограбили его и его семью до нитки.

Всегда по сговору с герцогом эти преступники вторглись во владение Живри, захватили и разграбили все, что там нашли, как сделали бы враги в случае войны. Деревня, погреба Вона, дома в Боне и Монтели, а также их зависимые владения были подобным же образом разграблены и осквернены. Приорат и церковь Шароля, в которые они проникли с толпой вооруженных людей, были сожжены, потиры и облачения похищены; герцог, взяв под охрану эти земли, сохранил их во владении целиком. Это еще не все: Филипп, бывший декан Ключни, подделав печать аббатства, изготовил подложные письма, чтобы извлечь из них какую-то сумму денег; к счастью, подлог был вовремя обнаружен, и носитель этих писем, после полного признания, был задержан в застенках аббатства.

Продолжая свои бесчинства, эти негодяи ночью вторглись в деревню и церковь Паре, но, не сумев там удержаться из-за оказанного им сопротивления, направились в Толон в Отёнском округе. Там они нашли рыцаря и нескольких оруженосцев, пришедших послушать мессу; они убили там двух человек и захватили церковь, кладбище и замок.

Их неудача при захвате Толона, вызванная недостаточностью имевшихся у них сил, потребовала нового наступательного движения на это место; они призвали к новому вмешательству. Жан де Момон [11], называвший себя уполномоченным герцога Бургундского, пришел к ним на помощь, и именно с поддержкой герцогской армии была предпринята осада Толона и удалось овладеть этой крепостью. Завладев этим владением силой, Гуго IV присвоил имущество, принадлежавшее монахам, и вымогал, что мог, у жителей края. Несмотря на неоднократные прошения, он не захотел согласиться вернуть захваченное и принести надлежащее удовлетворение. Дважды граф Пуатье писал ему на этот счет и призывал его удовлетворить требования клюнийцев; Людовик, старший сын короля, также писал ему и даже направил к нему одного из своих чиновников, Матье де Компана; ни те, ни другие ничего не могли добиться.

Вызванный ко двору в Париж, герцог, однако, пообещал аббату в присутствии многочисленных свидетелей, что вернет имущество, которое у него требовали. Он также дал заверение, что, если приор и монахи прямо его об этом попросят, он не замедлит удовлетворить их мольбы. Эти пустые обещания так и не были исполнены и скрывали явное недоброжелательство, ибо Гуго IV публично распространил в Шалон-сюр-Соне слух, что если аббат осмелится явиться в Сен-Марсель или в любое другое место герцогства, вход туда будет ему запрещен. Не только горожане Ключи не могли рискнуть появиться на землях герцогского домена, но и купцы и иностранцы не решались переходить границу из страха быть ограбленными. Привилегии, предоставленные графами Шалона, были повсюду нарушены; однако хартии, излагавшие эти иммунитеты, получили одобрение короля Франции; они были ратифицированы самим герцогом Бургундским, когда он вступил во владение графством. Как же последний допускал подобное нарушение права и терпел такие скандалы в герцогстве? «Посему мы смиреннейше молим вас, чтобы вы заставили вернуть нам наших людей и наше имущество в Толоне и положили конец столь невероятным гонениям. Мы молим вас, чтобы вы принудили Филиппа и его сообщников, которых мы отлучили и которые взбунтовались лишь по наущению герцога, вернуть приораты Вержи и Вона с их зависимостями, Живри, Сантене, Троандр, приорат Шароля, а также местности, которыми они незаконно завладели. Мы молим вас, чтобы вы заставили их принести надлежащее удовлетворение и возместить ущерб, причиненный ими как приору Монмирая, которого они полностью ограбили, так и другим жертвам. Что же до нас, мы готовы предстать перед королевским судом и ответить герцогу Бургундскому перед церковными или гражданскими судьями, которых соизволят назначить [12]».

Известны лишь пространные жалобы аббата, которые, возможно, преувеличены в деталях, но верны в целом; мы не знаем ничего о контрдоводах. Отлучение, которому герцог был впоследствии подвергнут и о котором речь пойдет далее, на этот раз было вполне обоснованным. Если, однако, есть смягчающие обстоятельства в поведении последнего, мы найдем их в настойчивости, с которой он требовал обещанных ему субсидий, и в тщетности этих требований. Можно ли поверить, что восемь лет спустя, когда папа Иннокентий IV уже скончался и Александр IV шесть лет как восседал на папском престоле, герцог Бургундский все еще доносил свои жалобы до Святого Престола, и 6 июля 1260 года папа буллой, датированной из Ананьи, приказал аббатам Фонтене, Эшарли, Мезьер и Сито благоволить удовлетворить его просьбу, поскольку полученные им по этому случаю компенсации были недостаточны [13].

Когда герцог подавал пример такого скандала, следует думать, что сеньоры соблюдали еще меньше сдержанности, до такой степени нравы той эпохи еще не утратили своей дикости.

Его кузен [14] Ансерик де Монреаль, внук сенешаля Бургундии того же имени и Сибиллы Бургундской, творил в своих владениях еще худшее. Это был тот самый сеньор, который несколькими годами ранее отличился жестокостью своих поступков по отношению к своей матери Агнессе де Тиль, нашедшей после вдовства убежище в замке Л'Иль-сюр-Серен [15], который был назначен ей в качестве вдовьей доли. Ансерик вошел с оружием в Л'Иль и поджег крепость, угрожая сжечь всех, кто ее защищал. Потребовалось личное вмешательство Тибо,

графа Шампанского, чтобы восстановить мир между сыном и матерью и положить конец столкновению, от которого особенно страдало соседнее население [16]. Вскоре после этого сеньор де Монреаль совершил злодеяния, которые потребовали жалоб церковной власти и репрессий со стороны Святого Престола; он вступил в войну с Дрё де Мело, сеньором д'Эпуасс, и борьба прекратилась лишь после договора и брачного обещания между детьми воюющих сторон [17].

Вскоре у Ансерика возникло более серьезное дело, которое навлекло на него большие неприятности. Аббатство Сен-Жермен д'Осер владело частью земли Куттарну [18], жители которой, как и жители Л'Иля, обладали правами пользования в лесу Эрво; сеньор де Монреаль захотел лишить их этого и, полагая, что легко справится с сопротивлением держателей аббата, напал на них с оружием в руках, насильно выгнал их из убежища, схватил приора Жерара и подверг его жестокому обращению. Рено де Жосваль, тогдашний аббат Сен-Жермена, умолял о защите Тибо, короля Наварры и графа Шампанского. Этот принц вызвал Ансерика явиться к своему суду и, после его отказа, выступил против него с войсками, захватил его замок Л'Иль, принудил его вернуть захваченное и потребовал надлежащего удовлетворения за причиненный ущерб [19].

После отъезда графа Шампанского Ансерик возобновил свои притеснения против васалов монастыря. На этот раз аббат Сен-Жермена д'Осер пожаловался королю. Можно было легко доказать преступления, в которых оказался повинен сир де Монреаль по отношению к клирикам, церковнослужителям и мирянам, которыми он наполнил свои темницы; ему ставили в вину, что одним вырывал зубы, другого священника заставлял есть мух — *eciam quendam presbiterum muscis comedi fecerat* — род пытки, которую нам нелегко объяснить, и другие преступления, достойные самых суровых наказаний.

Вызванный к королевскому суду, Ансерик не явился. Людовик Святой обратился к герцогу Бургундскому с приказом, который упоминается во втором письме от воскресенья 27 декабря 1254 года, датированном из Парижа [20]. Король поручал Гуго IV положить конец этим беспорядкам; он побуждал его вершить правосудие тем или иным способом, конфисковать часть наследства Ансерика в искупление его прегрешений и принять меры, чтобы предотвратить повторение подобных злоупотреблений.

Если герцог Бургундский исполнил приказы короля, то следует признать, что он проявил некоторую сдержанность в преследовании члена своей семьи или что сеньор де Монреаль не принял во внимание его предостережений; ибо тем временем родственники виновного обратились к Людовику Святому, как следует из постановления Парламента, приведенного в Олим [21], и молили его приостановить исполнение его правосудия. Этими родственниками были Ги де Мело, епископ Осерский, и Жан де Туротт, шателен Нуайона, на племяннице которого Ансерик был женат [22] и которые боялись увидеть своих внучатых племянников лишенными наследства в результате конфискации земель, зависящих от Монреалья. Они обязались отправиться к виновному и принять меры, чтобы вернуть его к лучшим чувствам. Тронутый их мольбами, Людовик Святой согласился, *quorum precibus acquievit dominus rex* [их мольбам склонился государь король].

Увещевания прелата не могли подействовать на упрямый характер этого страшного рыцаря. Вместо того чтобы исправиться, он совершил новые преступления и приказал схватить и заключить в тюрьму клириков. Вызванный предстать перед Людовиком Святым и подвергнутый очной ставке со своими обвинителями, он был уличен криками и жалобами, поданными против него свидетелями; однако он отказался дать королю удовлетворительное возмещение. Новые приказы были посланы герцогу Бургундскому, которые не были исполнены лучше, чем первые.

Такое положение не могло длиться долго. Из Сенлиса, где он находился 4 мая 1255 года, Людовик Святой отправил двух своих чиновников, Дрё де Монтиньи и Жана де Камбре, с письмом [23] на этот раз повелительным, предписывающим герцогу Бургундскому содержать

сеньора де Монреаль под стражей в его собственном замке, а в случае сопротивления задерживать его и конфисковать его имущество, дабы положить конец скандалу, который мог стать заразительным для других сеньоров. Два посланца имели поручение привезти формальный ответ и сообщить, какими средствами Гуго IV намерен был укротить и усмирить этого опасного злодея.

В течение трех последующих месяцев, которые, вероятно, были использованы для переговоров, нет документов о действиях герцога; высокомерный и неукротимый характер сеньора де Монреалья позволяет предположить, что он не мог позволить содержать себя под стражей в замке, что при этом сопротивлении герцог Бургундский собрал войска против мятежного вассала и что перед силами, направленными против него, Ансерик был вынужден сдаться, без всяких условий, в невозможности защищаться.

Таков смысл, который мы полагаем, следует придать этой формуле, изложенной в любопытной хартии, написанной наспех на узкой полоске пергамента и отличающейся необычной лаконичностью [24].

«Я, Ансери, сеньор де Монреаль, даю знать всем, кто увидит эти письма, что я передал Гуго, герцогу Бургундскому, мой замок Монреаль по его воле, без всяких условий. В свидетельство сего я дал мои письма, скрепленные моей печатью. Свершилось сие в год от милости тысяча двести пятьдесят пятый, в месяц сентябрь».

Тем не менее, чтобы смягчить строгость этой кары, Гуго IV согласился предоставить Ансерiku замок Шатель-Жерар, зависимый от Монреалья, чтобы служить ему убежищем и укрыть там его движимое имущество. В тот же день последний дал расписку [25]: «...и если случится, что его воля будет такова, что он захочет получить его обратно, мне будет достаточно вывести меня и мои вещи из этого Шатель-Жерара и проводить в безопасности меня и мои вещи в течение двух или трех дней. И я обязан выйти и освободить этот Шатель-Жерар в течение месяца, как он мне об этом сообщит...»

Таким образом, в 1255 году важная сеньория Монреаль, господствовавшая над частью богатой долины Эпуасс, была присоединена к герцогскому домену, равно как и земля Шатель-Жерар, также ставшая центром шателении.

Лишенный своих владений, Ансерик сохранил право носить титул сеньора де Монреаль и право охотиться в лесах, зависевших от его прежнего домена. Кажется, его унижение не сделало его более уступчивым по отношению к соседям, которым он устраивал споры об охоте. В ноябре 1260 года [26] его родственники Анри, граф Гранпре, Эрар де Треней, сеньор де Фуасси, и Гийом де Мело выступили посредниками в соглашении между ним и Милем де Нуайе и условились, что если Миль или его егеря будут преследовать зверя вне своих лесов, они смогут охотиться на него и ловить его на землях сеньора де Монреалья, при условии, что последний будет иметь свободу пользоваться теми же правами преследования.

Ансери, покинутый всеми, умер в 1269 году, после того как потерял свою единственную дочь и зятя Дрё де Мело, сеньора д'Эпуасс, которые сами не оставили потомства. Он был похоронен в церкви приората Воск, основанного его предками и где несколько из них нашли свое упокоение. Там до сих пор виден фрагмент его надгробия, некогда служивший ступенью лестницы, на котором высечены только меч и щит, усыпанный ромбами [27].

Другой близкий родственник герцога Бургундского, Гийом, сеньор де Монтаю и де Мален, также имел разногласия с королевским правосудием. Он захватил в плен рыцаря, чье имя нам неизвестно, сжег его дом и завладел всем его имуществом. Поскольку этот рыцарь держал свой фьеф от графства Макона, принадлежавшего королю, бальи этого города предъявил требования сеньору де Монтаю, который отказался выдать своего пленника и вследствие этого был вызван в Парламент. Извинения, представленные последним за неявку по вызову, не показались серьезными и не были приняты; было приказано бальи Макона разобрать дело и добиться надлежащего удовлетворения за это злоупотребление властью [28].

В то же время монахи аббатства Молема имели большие хлопоты с посягательствами Жана, сеньора де Шуазёля, чьи предки основали в Варенне один из важнейших приоратов, зависевших от монастыря. Первоначальные дарения были так значительны, что владельцы этих фьефов не переставали создавать затруднения монахам частыми притязаниями. Акт основания в 1084 году [29] гласил, что монахи Молема и их люди должны иметь в Варенне ту же свободу, что и сеньор де Шуазель и его семья, что жители будут освобождены от всякой повинности, что аббатство будет иметь право строить, право требовать барщины, право приобретать, право пастбища и, наконец, право охоты, за исключением кабана, оленя и олененка. Вскоре после этого основатели также уступили монахам сеньориальные привилегии на соседних общинах Куаффи, Вик, Шампиньи [30]. Эта щедрость впоследствии привела к серьезным распрям, которые не были отнесены к их дате. В 1194 году аббат Молема жаловался епископу Лангрскому на Ренара де Шуазёля, который дурно обращался с вассалами приората и поселился с женой и детьми в монастырских зданиях, совершая там насилия. Ренар был отлучен от церкви со всей своей семьей, и священникам было запрещено совершать богослужение в местностях, которые он занимал. Лишь в 1208 году было снято отлучение, наложенное на него, когда он покорился и был приговорен нести расходы по содержанию лампы, которая должна была гореть день и ночь перед гробницей святого Гангульфа.

Проступки, в которых обвиняли в это время Жана, сеньора де Шуазёля, внука Ренара, были еще серьезнее. Монахи Молема, чтобы избавиться от его преследований, присоединили Тибо, графа Шампанского и короля Наварры, к своим правам на Вик и Куаффи [31]; Жан де Шуазель воспротивился этому. Соглашение, заключенное пять лет спустя, в июле 1255 года [32], при посредничестве Ги де Рошфора, епископа Лангрского, и Жана, графа Бургундского и сеньора де Салена, по-видимому, принесло лишь короткое перемирие в борьбе. Сеньор де Шуазель захватил силой приорат Варенн, завладел волами, коровами, овцами, свиньями, упряжью, утварью; приор Пьер был взят в плен и вынужден заплатить выкуп за свое освобождение. Другие владения, зависевшие от приората, — Шезо, Рансоньер, Лаверне [33] — также были опустошены и разграблены. Только в Рансоньере было зафиксировано похищение ста сорока волов и значительного количества других животных. Дело было передано в суд Парижского парламента, и любопытное следствие 1258 года, изложенное в Олим [34], дает подробное перечисление этих грабежей. Однако приговор был вынесен 12 мая того же года, и Жан де Шуазель был приговорен вернуть монахам Молема сумму причиненного в Варенне и других местах ущерба [35].

Такое множество спорных вопросов, число которых постоянно росло, позволяет убедиться, какое доверие внушало правосудие Людовика Святого; именно к королевскому суду в последней инстанции обращались как духовные, так и светские лица.

После смерти Ги де Вержи, епископа Отёнского, Жерар де Бевуар [36], его родственник, был назначен на его место в 1253 году. Никола, аббат Флавины, который не был его сторонником и, вероятно, не содействовал его избранию, отказался принести ему верность и оммаж и оспорил у него право сюзеренитета над замком Флавины. Конфликт длился несколько лет, до того дня, когда епископ и аббат, не сумев найти основу для примирения, условились положиться на решение королевского суда. Людовик Святой направил на место двух своих чиновников, Амори де Медона, рыцаря, и одного из своих клириков, чтобы провести по этому поводу расследование. Арбитры установили, что тридцать четыре года назад действующий тогда аббат принес свои феодальные обязанности епископу Отёнскому, которому замок подлежал принесению оммажа и возвращению. Они доказали, кроме того, что в результате предыдущего спора между епископом и горожанами Флавины последние были обязаны передать ключи от замка и главные башни крепости. Вследствие этого постановление Парламента, вынесенное на день святого Мартина 1257 года [37], решило, что епископ должен быть инвестирован этим фьефом и его зависимостями. Когда пришлось исполнить обязанности вассалитета, к которым

он был обязан, аббат снова стал чинить трудности. Ги де Бевуар утверждал, что оммаж должен быть принесен ему с некоторой торжественностью и что следует выбрать день показа, *dies ostensionis*. Никола возразил, что простой оммаж не может дать повод к такой церемонии. Пришлось предстать перед Парламентом во второй раз, где постановление 1260 года решило, что в результате разногласий, в которых права епископа были оспорены и непризнаны, должен быть день показа.

Также к королевскому суду обратились в 1256 году горожане Турню, когда в ответ на дурное обращение со стороны монахов аббатства, убивших одного из них, они призвали к правосудию Людовика Святого. Монахи Турню совершили такие злоупотребления, что потребовалось суровое наказание. Владения, принадлежавшие им, были конфискованы и взяты в руку короля, равно как и временное управление монастырем; замки и крепости, зависевшие от аббатства, также были конфискованы и временно вверены управляющему, назначенному Людовиком Святым, который оставил монахам лишь средства, необходимые для удовлетворения их самых насущных потребностей и ежедневного пропитания.

Примечания к Главе XXXIII:

[1] См. наш том IV.

[2] Матвей Парижский, издание сэра Луарта, т. V, стр. 175 и 188.

[3] Национальный архив (Arch. nat.), J. 442, крестовые походы, №11, копия; Делаборд, «Сокровищница грамот», т. III, стр. 576, №3923 bis; Эли Берже, «Регистры Иннокентия IV», №6307, 6661.

[4] Эли Берже, «Регистры Иннокентия IV», №6207.

[5] Райнальди, год 12152, ст. 35; Эли Берже, «Регистры Иннокентия IV», №5597.

[6] «Булларий ордена Ключи», стр. 462, кол. 1.

[7] Булла папы от 28 марта 1252 г. говорит лишь, что аббат отправился в Англию по делам аббатства.

[8] Э. Берже, «Регистры Иннокентия IV», №5598.

[9] Э. Берже, «Регистры Иннокентия IV», №5597.

[10] Э. Берже, «Регистры Иннокентия IV», №5599.

[11] Это вовсе не Жан де Мирамон, как указано в тексте Делаборда («Сокровищница грамот», т. III, стр. 185), а Жан де Момон, который часто фигурирует в наших документах, см. в частности наш каталог №2399, 2908. Жиро де Момон, который, без сомнения, был из этой семьи, играл большую роль при дворе короля Филиппа Смелого, см. Ланглуа, «Царствование Филиппа Смелого», стр. 42.

[12] Дано в Ключи в пятницу перед Пятидесятницей, Национальный архив, J. 259, Ключи 1; Делаборд, «Сокровищница грамот», т. III, стр. 184—186.

[13] Национальный архив, J. 442, крестовые походы, I, №11, копия; издание Делаборда, «Сокровищница грамот», т. III, №4619.

[14] Ансерик, сеньор де Монреаль, был двойным родственником герцога Гуго IV, поскольку был внуком Сибиллы Бургундской, племянницы герцога Одона III, и внуком Николь де Вержи, сестры герцогини Аликс де Вержи.

[15] Лиль-сюр-Серен, главный город кантона, округ Аваллон (Йонна).

[16] Эти события происходили с 1235 по 1238 гг. См. д'Арбуа де Жюбенвиль, «Графы Шампанские», каталог, №2381, 2412, 2467, 2469, 2488.

[17] Это происходило в 1245 г. См. наш том IV, стр. 114—115, и наш каталог, №2528; Э. Берже, «Регистры Иннокентия IV», №1633.

[18] Кутарну, коммуна кантона Лиль, округ Аваллон (Йонна). Лес Эрво простирается на части этой коммуны.

[19] Архив департамента Йонна, титулы Сен-Жермен-д'Осер, папки Кутарну.

[20] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 4266, Видимус, наш каталог, №2806; изд. дом Планше, т. II, прил. L.

[21] «Неизданные документы», «Олим», т. I, стр. 438. Этот приговор, датированный 4254 годом (старого стиля), должен относиться к началу 1255 г., то есть к 1255 г. до Пасхи.

[22] Мария де Гарланд, жена Ансерика де Монреалья, была вдовой сеньора де Туротт, а дочь Ансерика была замужем за Дрё де Мелло, сеньором д'Эпуасс, племянником епископа Осера.

[23] Архив департамента Кот-д'Ор, Палата счетов, В. 1266; каталог, №2820.

[24] Оригинал. Архив департамента Кот-д'Ор, Палата счетов, В. 1266.

[25] Архив департамента Кот-д'Ор, Палата счетов, В. 983; см. наш каталог, №2839—2840. Шатель-Жерар, кантон Нуайе, округ Тоннер (Йонна).

[26] Оригинал. Архив департамента Кот-д'Ор, см. наш каталог, №3208.

[27] Я велел закрепить остатки этого печального памятника на стене клуатра. Также можно осмотреть рядом с крепостью Шатель-Жерар, перестроенной герцогами Бургундии в XIV веке, бесформенные руины старого поместья, которое было последним пристанищем этой необычной личности.

[28] «Неизданные документы», «Олим», т. I, стр. 427, 1254 год.

[29] См. наш том I, каталог, №70.

[30] Хартия 1101 г., Архив департамента Кот-д'Ор, Картулярий Молема.

[31] Хартия июля 1250 г., Национальная библиотека, лат. 5993 А, л. 323.

[32] Архив департамента Верхняя Марна, Картулярий Лангрского капитула, л. 62 об.; Оригинал. Национальный архив, J. 201, Шампань, IX, №43, три печати на двойном хвосте; Делаборд, «Сокровищница грамот», т. III, №4189.

[33] Эти три коммуны находятся в кантоне Варенн (Верхняя Марна).

[34] «Неизданные документы», «Олим», т. I, стр. 42.

[35] Бутарик, «Акты Парижского парламента», т. I, №265; см. также четыре документа по этому поводу в Национальном архиве, J. 201, №39—42, оригиналы с печатями, и Делаборд, «Сокровищница грамот», №4189—4191.

[36] Бевуар-сюр-Серен, замок в руинах, близ Совиньи-ле-Бёреаль, кантон Гийон, округ Аваллон (Йонна). Жирар был из дома Монреалья, ветвью которого были Бевуары.

[37] «Неизданные документы», «Олим», т. I, стр. 43.

Глава XXXIV. — Правление Гуго IV (продолжение) — 1248—1258 гг.

Смерть Оттона III, последнего герцога Меранского и графа Бургундского. — Бургундское графство передано Гуго де Шалону, женатому на Аликс де Меран; недовольство немецких баронов, его шуринов. — Вступление во владение графством Гуго де Шалона, благоприветно встреченное населением. — Горькие чувства, которые по возвращении из крестового похода испытывает герцог Гуго IV, ранее бывший опекуном и бальи этой провинции. — Жан де Шалон, Мудрый, теряет свою первую жену, Матильду Бургундскую, женится на Изабелле де Куртене; последствия этого брака; разногласия между Изабеллой и ее пасынком, пфальцграфом Бургундским. — Папа Иннокентий IV в торжественной церемонии в Лионе подтверждает императору Вильгельму Голландскому титул короля римлян; Жан де Шалон присутствует при этом, принимает императора в Салене, получает от него великие привилегии, планирует выкупить права на графство в пользу своего сына Жана. — Гнев пфальцграфа Гуго, который поднимает знамя восстания против своего отца. — Герцог Бургундский прибегает к скрытности, умножает причины конфликта между отцом и сыном, заключает тайный договор с пфальцграфом, два договора с Жаном де Шалоном, избегает скрепления какой-либо из этих конвенций своей печатью, чтобы не оставить компрометирующих следов. — Войны и последовательные перемирия между Жаном де Шалоном и пфальцграфом, его сыном; главные союзники воюющих сторон. — Жан де Шалон ведет переговоры в Страсбурге с бургграфом Нюрнбергским, получает от него уступку графства Бургундского, обручив своего сына Жана с Аликс, дочерью бургграфа. — Раздражение пфальцграфа; ожесточенная война, которую он ведет против своего отца. — Вмешательство Святого Людовика; переговоры о расторжении первых обязательств; имя Гуго, пфальцграфа, заменяет имя его отца в акте о покупке Графства. — Разрыв проекта брачного союза Жана де Шалон-Рошфора с Аликс де Меран; его брак с Елизаветой Лотарингской, вдовой Гильома, графа Вьеннского; другие брачные проекты для двух детей пфальцграфа. — Вся эта кампания завершается союзами, в которых герцог Бургундский вынужден сохранять хорошую мину. — Монахи Люксёя, пострадавшие от войны, отдаются под защиту графа Шампанского; борьба последнего против графов де Шалон. — Новое вмешательство Святого Людовика и мирное решение.

Во время крестового похода и долгого пребывания герцога Гуго IV в Святой Земле великие события изменили положение графства Бургундского.

19 июня 1248 года Оттон III, последний мужской потомок герцогов Меранских, владевших графством, умер в расцвете лет, едва достигнув тридцати лет. Обстоятельства его смерти, которую одни приписывают убийству, другие — отравлению, могут дать повод для различных толкований. Исчезновение его завещания, которое определенно было составлено, но оригинальный текст которого не удалось найти, оставляет место для подозрений, которые должны пасть на тех, кто был заинтересован в уничтожении этого документа и в извлечении выгоды из его утраты.

Поскольку Оттон не оставил детей, его основное наследство должно было, согласно феодальному праву, перейти к старшей из его пяти сестер, Беатрисе, вышедшей замуж за графа Орламюнде. Четыре сестры Оттона были, как мы уже говорили [1], замужем за немецкими принцами, жившими далеко от Бургундии, где их имена были мало известны, а их управление непопулярно. Аликс де Меран, младшая из пяти сестер Оттона, была выдана замуж в 1236 году [2] за Гуго де Шалона, сына Жана де Шалона и Матильды Бургундской, сестры герцога Гуго IV. Сеньоры де Шалон, чья феодальная знать графства служила их делу против Меранцев, могли

рассчитывать на ту же поддержку, чему способствовало и население, обязанное им своими коммунальными свободами, и монастыри, которые они обогатили своими благодеяниями.

Менее чем за месяц до смерти герцога Меранского, 23 мая 1248 года, Гуго де Шалон получил от него уступку графства, наследницей которого была объявлена его жена Аликс, поскольку ее другие сестры, проживавшие в Германии, не знали бургундского языка, *linguam Burgundionem ignorant* [3]. Им предстояло разделить прочие владения в Германии. Таким образом, именно по праву Гуго де Шалон принял с этого времени титул пфальцграфа Бургундского, который встречается в некоторых хартиях [4] и который пока никем не оспаривается. Нельзя ли предположить, что покушение на Оттона де Меран, убитого рыцарем из его свиты и его собственного дома, было результатом недовольства немецких баронов, сильно разгневанных тем, что их отстранили и лишили владений в пользу чужеземца? И если завещание покойного не удалось найти, то не были ли они первыми заинтересованными в его исчезновении?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.